

«Реабилитация праздности»: производство новых значений и смыслов досуга во второй половине XIX — начале XX века

СВЕТЛАНА МАЛЫШЕВА

Профессор, кафедра отечественной истории, Институт международных отношений (ИМО), Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ).
Адрес: 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18. E-mail: svetatuebingen@mail.ru.

Ключевые слова: досуг; праздность; безделье; отдых; индустрия развлечений.

В статье рассматривается, как значения понятий, репрезентирующих сферу отдыха и свободного времени, меняются на протяжении второй половины XIX — начала XX века. Автор подчеркивает, что в ходе ускорявшегося промышленного развития произошло разграничение сфер труда и отдыха, увеличение свободного времени, расширение сферы досуга. Городской досуг стал отдельной сферой деятельности, ассоциирующейся с потреблением. Коммерциализация досуга, ослабление социального контроля над ним, формирование индустрии развлечений изменили качество досуга, способствовали его индивидуализации, стиранию социальных и сословных различий в сфере отдыха, быстрой трансляции форм досуга и досуговых поведенческих моделей «сверху вниз», из высших слоев в низшие.

Изменения социальной и культурной функции досуга, трансформация системы представлений о нем отразились в постепенном изменении значений понятий, связанных с отдыхом, в толковых словарях Даля (1860-х годов и в более поздних редакциях), Академии наук (1890-х годов) и Ушакова (подготовленном в первые годы советской власти и изданном в 1930-е годы) и произведениях художественной литературы второй половины XIX — начала XX века. Трансформация значений таких слов, как «досуг», «праздный», «безделье» и производных, свидетельствует о постепенном стирании противопоставления труда и отдыха, об индивидуализации досуга и выходе его за пределы нераздельного коллективного процесса чередования труда и отдыха, о значительной корректировке негативных коннотаций, связанных с понятиями «праздность» и «безделье».

До второй половины XIX века сфера отдыха и представления о досуге в разных слоях российского общества существенно отличались: досуг и праздность имели различные социальные и культурные функции¹. Так, дворянская «праздность» и многие формы досуга аристократического дворянского сословия не только выполняли значимую социально-интегрирующую функцию, но и сыграли важную роль как в складывании досуговых практик остальных слоев российского пореформенного общества, так и в формировании российской культуры в целом². Досуг же большинства населения страны — крестьянства и низших городских слоев — в основном оставался органической, включенной частью единого трудового процесса (чередования труда и отдыха), был жестко ограничен темпорально и находился под неусыпным социальным контролем общины, организатора трудового процесса (крестьянской общины, ремесленной мастерской). Случаи «выпадения» из этого контекста, выхода из-под социального контроля, «излишек» отдыха позиционировались как отступление от нормы, осуждались как праздность, лень, безделье.

Вторая половина XIX века знаменует начало переворота в этой сфере, прежде всего в жизни горожан. Активное развитие фабрично-заводской промышленности привело к разграничению сфер труда и отдыха, к увеличению времени, уделяемого последнему, к расширению сферы досуга. Обособившись, досуг впервые стал ассоциироваться с потреблением, с потребительским поведением³. Эта сфера коммерциализируется; складывается индустрия развлечений, бесконечная игра спроса и предложения изменяет качество досуга, его формы и стили. Одновременно усиливаются процессы стирания социальных, сословных различий в сфере от-

1. Комиссаренко С. С. Культурные традиции русского общества. СПб.: СПбГУП, 2003. С. 6.
2. См.: Хренов Н. А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб.: Алетейя, 2005. Гл. 2: Дворянская культура: в поисках архетипа досугового поведения; Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 15.
3. Во второй половине XIX века практически впервые в человеческой истории ежедневное свободное время стало ассоциироваться с потреблением, с потребительским поведением, а важной чертой досуга (прежде отличавшегося стабильностью и преемственностью форм) стало быстрое изменение форм и стилей. См.: Stearns P. N. Consumerism in World History: The Global Transformation of Desire. L.: Routledge, 2001. P. 50.

дыха. Досуговые формы и поведенческие модели быстро транслируются «сверху вниз», из высших слоев в низшие. Социальный контроль организатора трудового процесса над досугом его участников ослабевает, практически сходя на нет. Сфера досуга постепенно приобретает черты пространства индивидуальной свободы.

Столь масштабные перемены в укладе повседневной жизни, структурные и качественные изменения сферы досуга сопровождались постепенным пересмотром значений и смыслов всего круга понятий, связанных с отдыхом и состоянием праздности. Массовые представления о *досуге*, *отдыхе*, а также о традиционно осуждавшихся религиозной моралью понятиях *праздность*, *безделье* корректируются.

Одним из важнейших свидетельств таких изменений является интерпретация связанных с этой сферой понятий в толковых словарях — в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля, созданном в 1860-х годах, и его поздних редакциях, в словаре, составленном в 1890-е годы Академией наук, в толковом словаре под редакцией Дмитрия Ушакова, подготовленном в первые годы советской власти и изданном в 1930-е годы. Во всех этих изданиях подчеркивалось, что они фиксируют среднюю норму народного языка: не только крестьянского, но и языка, на котором говорило большинство городского населения во второй половине XIX — начале XX века. Обращение к некоторым произведениям классической литературы этого времени позволит оценить, как и в какой мере в ней использовались интерпретации указанных понятий.

Понятия *отдых*, *отдыханье*, *отдыхать*, *отдохнуть* и их производные во всех словарях довольно однозначны, нейтральны, означают «покоиться после трудов, дать себе роздых, ничего не делать, уставши сидеть, лежать или стоять, собираясь с силами»⁴. В то же время в ранних словарях нельзя не заметить прозрачной связи этих понятий со смертью. Так, у Даля *отдышка* обозначена как «покой, успокоение после трудов; сон, почивание по обеде», и одновременно *отдышать* означает «перестать дышать, скончаться, умереть, испустить последнее дыханье»⁵. Коннотации досуга со смертью, представление о прекращении труда как о не-норме, о конце жизни (и, таким образом, об опасности состояния отдыха) и одновременно — как об отдыхе после смерти, как о награде характерны для

4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИС, 1956 [Переиздание 2-го изд. 1880–1882 гг., испр. и умнож. по рукописи автора]. Т. 2. С. 722; Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е, исправленное и значительно дополненное издание / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. М.: т-во М. О. Вольф, 1904. Т. 2. С. 1873–1875.

5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 722.

традиционной крестьянской трудовой этики. «„Будет досуг, когда вон понесут“, то есть как помрешь. „А когда досуг-то будет? А когда нас не будет?“»⁶ — это примеры Даля к толкованию понятия *досуг*. Максим Горький в пьесе «На дне» устами Луки буквально озвучивает эти представления об *отдыхе*, *покое* как о связанных с прекращением жизни. Утешая умирающую Анну, Лука говорит ей:

Смерть — она все успокаивает... она для нас ласковая... Помрешь — отдохнешь, говорится... верно это, милая! Потому — где здесь отдохнуть человеку?⁷

Именно в этом, устаревшем значении посмертной награды за трудовую жизнь намеренно используется понятие *отдых*, *отдохнем* в опубликованной в 1897 году пьесе Антона Чехова «Дядя Ваня» и знаменитом монологе Сони:

...а когда наступит наш час, мы покорно умрем, и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и бог сжалится над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем. <...> Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах. <...> Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем...⁸

Чехов вообще очень часто и настойчиво использует слова *отдых*, *отдохни* применительно к людям труда. В то же время жизнь без труда, жизнь праздная у него ведет не к веселью и радости, а к скуке, унынию, тоске. «Оттого нам невесело и смотрим мы на жизнь так мрачно, что не знаем труда. Мы родились от людей, презиравших труд»⁹, — говорит одна из его героинь. «Родился я в Петербурге, холодном и праздном, в семье, которая никогда не знала труда и никаких забот», — сообщает другой герой и пророчит «здоровую, сильную бурю», которая «скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку»¹⁰. Праздность у Чехова — безусловный порок: «праздная жизнь не может быть чистой»¹¹. Он даже

6. Там же. С. 481.

7. Горький М. На дне // Собр. соч.: В 16 т. М.: Правда, 1979. Т. 15. С. 122.

8. Чехов А. П. Дядя Ваня // Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1970. Т. 7. С. 245.

9. Он же. Три сестры // Собр. соч. Т. 7. С. 262.

10. Там же. С. 250.

11. Он же. Дядя Ваня. С. 216.

говорит о возможности «заразиться праздностью», «медикализируя» это явление как нечто нездоровое, сродни эпидемии:

Оба — он и вы — заразили всех нас вашей праздностью. <...>
...куда бы ни ступили вы и ваш муж, всюду вы вносите разрушение... я убежден, что если бы вы остались, то опустошение произошло бы громадное¹².

Таким образом, творцы слова вкладывают в уста своих положительных героев традиционные идеалы народной трудовой этики, противопоставляя праздности труд как органическую потребность, как, словами Льва Толстого, «нравственно анестезирующее средство»¹³.

Весьма примечательно педалирование этих значений и противопоставление труда и отдыха, труда и праздности (как жизни и смерти), подчеркивание негативных, «смертных» коннотаций праздности и отдыха в произведениях классической литературы рассматриваемой эпохи. Это происходит в то самое время, когда в народном языке идет активное вымывание негативных коннотаций. Здесь, на мой взгляд, можно говорить об «обратном трансфере». Если, согласно наблюдениям Юрия Лотмана, Николая Хренова, Луизы Макрейнолдс¹⁴, имел место процесс трансляции «вниз» культуры высших слоев, в том числе культуры досуга, то движение это было не односторонним. Мастера слова не просто проявляют жгучий интерес к значениям понятий в традиционном народном языке¹⁵, но и актуализируют (и даже реанимируют) эти значения в связи с увлечением идеями народности, идеализацией народной трудовой жизни и пропагандой идеалов такой жизни в среде интеллигенции и образованных слоев.

Однако в разговорном языке в указанное время уже наблюдается значительный отход от прежних значений понятий, связанных со сферой досуга. Весьма подвижным, изменяемым становится в рассматриваемый период и сам термин *досуг*. Как известно,

12. Там же. С. 241.

13. Толстой Л. Н. Неделание // Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гослитиздат, 1954. Т. 29. С. 187.

14. Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 15; Хренов Н. А. Указ. соч. Гл. 2; McReynolds L. Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2003. P. 154–155.

15. Например, Александр Островский с середины XIX века составляет словарь народных слов, употребляемых на Волге; собранные им материалы были использованы в качестве источника при составлении словаря Академии наук в 1890-е годы. См.: Островский А. Н. Словарь (материалы для словаря русского народного языка) // Полн. собр. соч.: В 12 т. М.: Искусство, 1978. Т. 10. С. 464–522, 659–662.

до конца XVII века в основных европейских языках и до середины XVIII века в русском языке слово *досуг* означало «возможность», «удобный случай»¹⁶, а еще раньше — «достижение, успех»¹⁷. Со складыванием современной темпоральности и сознания это понятие также обретает темпоральное значение. Словари 1860–1890-х годов уже определяют понятие *досуг* через категорию времени: «свободное, незанятое время, гулянки, гулячая пора, простор от дела»¹⁸ и «свободное время от дел или занятий»¹⁹. При этом подчеркивалось представление о вторичности досуга по отношению к труду («работе — время, а досугу — час») ²⁰, о его включенности в коллективный единый процесс труда и отдыха. Правда, существовало еще понятие *досуги*, определяемое через категорию содержания: «забава, занятия для отдыха, на гулянках, безделье». А самый поздний по времени словарь Ушакова, тоже определяя *досуг* как отрезок времени вне занятий, не только подчеркивает темпоральное значение этого слова, но и акцентирует самоценное и индивидуализированное содержание устаревшего на тот момент понятия *досуги* — «развлечение, личные занятия в свободное от работы время»²¹. Таким образом, язык фиксировал индивидуализацию досуга, изменение его качества, выход за пределы нераздельного коллективного процесса чередования труда и отдыха.

16. См.: *Enninger H. J. W. Bedeutungsgeschichte von Licere-Leisir/Loisir-Leisure. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. Bonn, 1968. S. 213–221; Живов В. М. Заметки о времени и досуге // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 750. Словарь русского языка XI–XVII веков фиксирует значение слова *досуг* как «1. Свободное или *удобное* время... <...> 2. Умение, ловкость, способность», а расхожее выражение «по досугу» — как «по возможности, по умению... *при случае*» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Вып. 4 (Г–Д). С. 341. Курсив мой. — С. М.).*
17. *Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. С. 265.*
18. *Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 481; Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 1. С. 1196.*
19. *Словарь русского языка, составленный II отделением Императорской Академии наук / [Под ред. акад. Я. К. Грота]. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1895. Т. 1. С. 1150.*
20. *Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 481; Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 1. С. 1196.*
21. *Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1934. Т. 1. С. 786. Курсив мой. — С. М.*

Для понимания происходивших изменений важна судьба еще одного, частного значения слова *досуг* и чаще употреблявшихся его производных *досужество*, *досужест* и *досужий*. В этом значении в ранних словарях *досуг* означал умение или доброе качество (говорили: «человек с досугом» или «конь с досугом»). *Досужество* означало умение, ловкость, способность к делу, мастерству, *досужествовать* — «заниматься временно по найму мастерством, ремеслом», а *досужий* — «умеющий, способный к делу, ловкий, искусный, хороший мастер своего дела или мастер на все руки» («У милостивого мужа всегда жена досужа», «Жена досужа добра и без мужа», «Досужество дороже досута»)²². Павел Мельников (Андрей Печерский) в своем романе «В лесах» (о жизни заволжских купцов-старообрядцев; опубликован в 1870-е годы, но писать роман автор начал в конце 1850-х годов) употребляет термин именно в этом значении: «Верховое Заволжье — край привольный. Там народ досужий, бойкий, смысленный и ловкий»²³. То есть речь шла о тех трудовых навыках, умениях, мастерстве, которые человек приобретал или практиковал, когда был свободен от своей основной работы. Но и это время, и эти навыки все равно были связаны с трудом. Однако в рассматриваемый период шло быстрое выпадение этого значения из языка. Уже в словаре Академии наук (1890-е годы) эти значения серьезно сокращены. Появляется толкование слова *досужий*, связанное с отсутствием занятий, — «свободный от дела, праздный», а единственное прежде значение слова *досужий* идет вторым²⁴. В словаре Ушакова *досужий* расшифровывается уже исключительно как «свободный от дела, праздный, бездельный»²⁵. Это наблюдение также свидетельствует о тесной связи понятия *досуг* с представлениями о единстве процесса труда и отдыха в начале изучаемого периода и об ослаблении этой связи к его концу.

Понятие *лень* в словарях предстает скорее неизменяемой категорией нравственного порядка, характеризующей свойство личности («неохота работать, отвращение от труда, от дела, занятий; склонность к праздности, к тунеядству»²⁶). Однако в работе не-

22. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 481; Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 1. С. 1196.

23. Мельников П. И. (Андрей Печерский). В лесах // Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М.: Правда, 1976. С. 7.

24. Словарь русского языка, составленный II отделением Императорской Академии наук. Т. 1. С. 1150.

25. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. С. 786.

26. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 278. Практически то же см.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1938. Т. 2. С. 46.

мецкой исследовательницы Аннелоре Энгель-Брауншмидт, рассматривающей понятие *лень* в российской литературе от эпохи Петра I до советского периода, справедливо подчеркивается мобильность этого понятия и его взаимоотношений с понятиями *досуг* и *работа* в литературном, культурном дискурсе²⁷. В пушкинском и лермонтовском дискурсе творчество и время, посвящаемое ему, обозначаются как *лень*, *праздность*, *досуг*. А во второй половине XIX века творчество и его время позиционируются уже как *труд* и *рабочее время* (например, у Николая Некрасова). То есть здесь также наблюдается своеобразное «разведение» сфер труда и отдыха по мере становления писательства как профессии.

Другие понятия, связанные с состоянием не-работы, не-делания, которые в прежних народных представлениях соотносились с девиантным поведением и качествами (плутовство, бесчестность), к концу изучаемого периода лишаются этих остро негативных коннотаций. Так, термины *безделье* и *бездельный* обозначаются в словарях соответственно как «пребывание без занятий», «досуг» и «праздный, пустой, маловажный, не стоящий внимания». А такие прежние значения понятия *безделье*, как «плутовство», а *бездельный* — как «бесчестный», в 1890-е годы помечены как устаревшие²⁸.

Единственное связанное с не-деланием понятие, сохранившее негативные коннотации, — слово *праздный* и его производные. Очевидно, они фиксируют определенную напряженность между народной традиционной трудовой/досуговой этикой и официальной православной культурой. Поскольку значения слова *праздный* полярно разведены: на одном полюсе — отрицательном — группируются значения «пустой», «незанятый», «ненужный», «бездельный», «гуляющий, шатучий, без дела, ничем не занятый или ничем не занимающийся, шатун, баклушник, лентяй»²⁹, а на другом — положительном — значения, связанные со словом *праздник*. В отличие от других славянских языков, в которых праздник обозначался словом *свято*, подчеркивая святость церковного в сво-

27. См.: Engel-Braunschmidt A. Russkaja len': Über die axiologische Unbestimmtheit der Faulheit in der russischen Literatur // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit: Beiträge zu einem Forschungsdesiderat / P. Thiergen (Hg.), M. Munk (Mitarb.). Köln: u.a., 2006. S. 81–104.

28. Хотя в некоторых их производных — *бездельник*, *бездельничать*, *бездельничество* и пр. — эти значения сохранялись. См.: Словарь русского языка, составленный II отделением Императорской Академии наук. Т. 1. С. 138–139.

29. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 3. С. 380; Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. М.: Т-во М. О. Вольф, 1907. Т. 3. С. 993–996.

ей основе события, в русском языке подчеркивалась «пустота» праздничного дня, его незанятость работой. Он обозначался как

... день, посвященный отдыху, не деловой, не рабочий³⁰.

... день, празднуемый по уставу церкви или же по случаю и в память события гражданского, или по местному обычаю, по случаю, относящемуся до местности, до лица³¹.

Энгель-Брауншмидт полагает, что благодаря ассоциации со словом «праздник» слово «праздность» тоже приобретает положительные коннотации³². Возможно, это и происходило в литературном дискурсе, но в быденном языке, видимо, дело обстояло как раз наоборот. Негативные коннотации, связанные с праздностью, в некоторой степени распространялись в народном языке и на слово *праздник*: в определенном контексте оно имело отрицательный смысл, означало неприятность, беду. Выражения «ну вот у праздника», «быть у праздника» означали «попасть в беду», «наткнуться на беду»³³. И если понятия *празднолюбезный* и *празднолюбвный*, означающие «чтущий церковные праздники», довольно быстро вышли из употребления, то слова *празднолюбивый*, *празднолюб* и *празднолюбец*, имеющие отчетливо выраженное негативное значение («лентяй, тунеядец, шатун, враг трудов, работы»)³⁴, довольно долго сохраняли свои позиции.

Таким образом, на протяжении второй половины XIX — начала XX века параллельно с процессом разграничения сфер труда и отдыха в быденном языке идет процесс постепенного сдвига значений понятий, обозначающих досуг и праздность. Эти изменения фиксируют такие моменты, как «дистанцирование» сферы отдыха от сферы труда, изменение качества досуга (его индивидуализацию) и в определенной степени — размывание отрицательных коннотаций, придававшихся традиционной народной этикой состоянию «не-делания», безделья, праздности, даже «реабилитация» этих состояний в массовых представлениях. Эти малозаметные, на первый взгляд, подвижки в языке обозначали вехи становления массового городского досуга как самостоятельной сферы дея-

30. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. С. 381.

31. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 3. С. 993–996.

32. Engel-Braunschmidt A. Op. cit. S. 82.

33. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 3. С. 994.

34. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. С. 381; Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 3. С. 993–996.

тельности, сферы потребления, куда направлялась деловая активность различных слоев населения и куда устремлялись их представители в поисках новых ощущений, впечатлений, знаний, эмоций.

Библиография

- Горький М. На дне // Собр. соч.: В 16 т. М.: Правда, 1979. Т. 15.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИС, 1956 [Переиздание 2-го изд. 1880–1882 гг., испр. и умнож. по рукописи автора].
- Живов В. М. Заметки о времени и досуге // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Комиссаренко С. С. Культурные традиции русского общества. СПб.: СПбГУП, 2003.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 2002.
- Мельников П. И. (Андрей Печерский). В лесах // Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М.: Правда, 1976.
- Островский А. Н. Словарь (материалы для словаря русского народного языка) // Полн. собр. соч.: В 12 т. М.: Искусство, 1978. Т. 10.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977.
- Словарь русского языка, составленный II отделением Императорской Академии наук / [Под ред. акад. Я. К. Грота]. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1895.
- Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е, исправленное и значительно дополненное издание / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. М.: т-во М. О. Вольф, 1904.
- Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. М.: т-во М. О. Вольф, 1907.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1934.
- Толстой Л. Н. Неделание // Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гослитиздат, 1954. Т. 29. С. 173–201.
- Хренов Н. А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб.: Алетейя, 2005.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1999.
- Чехов А. П. Дядя Ваня // Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1970. Т. 7.
- Чехов А. П. Три сестры // Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1970. Т. 7.
- Engel-Braunschmidt A. Russkaja len': Über die axiologische Unbestimmtheit der Faulheit in der russischen Literatur // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit: Beiträge zu einem Forschungsdesiderat / P. Thiergen (Hg.), M. Munk (Mitarb.). Köln: [u.a.], 2006. S. 81–104.
- Enninger H. J. W. Bedeutungsgeschichte von Licere-Leisir/Loisir-Leisure. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. Bonn, 1968.
- McReynolds L. Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2003.
- Stearns P. N. Consumerism in World History: The Global Transformation of Desire. L.: Routledge, 2001.

THE REHABILITATION OF IDLENESS: THE PRODUCTION OF NEW VALUES AND MEANINGS FOR LEISURE IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

SVETLANA MALYSHEVA. Professor, Department of Russian History, Institute of International Relations, svetatuebingen@mail.ru.

Kazan Federal University (KFU), 18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, Russia.

Keywords: leisure; idleness; inaction; relaxation; entertainment industry.

The author scrutinizes the changing meaning of the concepts that shaped leisure and spare time during the second half of the 19th and early 20th centuries. She emphasizes that this period of accelerating industrial development brought about a firm distinction between work and recreation, an increase in free time, and an expansion of leisure. Urban leisure became a separate kind of activity associated with consumerism. The commercialization of leisure, the weakening of social control over it, and the design of the entertainment industry have resulted in a qualitative change in leisure and have contributed to its individualization, to erasure of social and class differences in leisure, and to a rapid top-down transmission of forms of leisure and recreational behavior patterns from the upper to the lower classes.

Changes in the social and cultural function of leisure and the transformation of ideas about leisure were reflected in gradual changes in the meaning of concepts associated with recreation in the explanatory dictionaries compiled by Vladimir Dahl (in the 1860s and later editions), the Academy of Sciences (1890s), and Dmitry Ushakov (prepared in the early years of Soviet dominance and published in the 1930s) as well as in works of fiction from the second half of the 19th and early 20th centuries. Transformation in the meanings of such terms as “leisure,” “idle,” “inactivity” and their derivatives provides evidence for the gradual elimination of the opposition between work and recreation, for the individualization of leisure, for its passage beyond the indivisible collective process of alternation between work and recreation, and for a significant modification in the negative connotations of the concepts “idleness” and “inaction.”

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-1-147-156

References

- Chekhov A. P. *Diadia Vania* [Uncle Vanya]. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected Works: In 8 vols], Moscow, Pravda, 1970, vol. 7.
- Chekhov A. P. *Tri sestry* [Three Sisters]. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected Works: In 8 vols], Moscow, Pravda, 1970, vol. 7.
- Chernykh P. Ia. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Historico-Etymological Dictionary of the Contemporary Russian Language], Moscow, Russkii iazyk, 1999.
- Dal V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], Moscow, GIS, 1956 [Reissue of 1880–1882 2nd edition, revised and multiplied after the manuscript of author].
- Engel-Braunschmidt A. *Russkaja len': Über die axiologische Unbestimmtheit der Faulheit in der russischen Literatur. Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit: Beiträge zu einem Forschungsdesiderat* (Hg. P. Thiergen, Mitarb. M. Munk), Köln, 2006, S. 81–104.

- Enninger H. J. W. Bedeutungsgeschichte von *Licere-Leisir/Loisir-Leisure*. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. Bonn, 1968.
- Gorky M. Na dne [The Lower Depths]. *Sobr. soch.*: V 16 t. [Collected Works: In 16 vols], Moscow, Pravda, 1979, vol. 15.
- Khrenov N. A. "Chelovek igrayushchii" v russkoi kul'ture ["Playing Human" in Russian Culture], Saint Petersburg, Aleteiia, 2005.
- Komissarenko S. S. Kul'turnye traditsii russkogo obshchestva [Cultural Traditions of Russian Society], Saint Petersburg, SPbGUP, 2003.
- Lotman Y. M. Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII — nachalo XIX veka) [Conversations on Russian Culture. Manners and Traditions of Russian Noble Class], Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2002.
- McReynolds L. *Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*, Ithaca, London, Cornell University Press, 2003.
- Melnikov P. I. (Andrey Pechersky). V lesakh [In the Woods]. *Sobr. soch.*: V 8 t. [Collected Works: In 8 vols], Moscow, Pravda, 1976, vol. 2.
- Ostrovsky A. N. Slovar' (materialy dlia slovaria russkogo narodnogo iazyka) [Dictionary (Materials for Dictionary of the Russian Popular Language)]. *Poln. sobr. soch.*: V 12 t. [Complete Works: In 12 vols], Moscow, Iskusstvo, 1978, vol. 10.
- Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language in the XI–XVII centuries], Moscow, Nauka, 1977.
- Slovar' russkogo iazyka, sostavlennyi II otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk [Dictionary of the Russian Language, Composed by II Division of Imperial Academy of Sciences] (ed. Ia. K. Grot), Saint Petersburg, Tipografia Imperatorskoi Akademii nauk, 1895.
- Stearns P. N. *Consumerism in World History: The Global Transformation of Desire*, London, Routledge, 2001.
- Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language] (ed. D. N. Ushakov), Moscow, Sovetskaia entsiklopediia; OGIZ, 1934.
- Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka Vladimira Dalia [Vladimir Dal's Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], Moscow, T-vo M. O. Vol'f, 1907.
- Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka Vladimira Dalia. 3-e, ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe izdanie [Vladimir Dal's Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 3rd edition, revised and enlarged] (ed. J. A. Baudouin de Courtenay), Moscow, t-vo M. O. Vol'f, 1904.
- Tolstoy L. N. Nedelanie [Non-Action]. *Poln. sobr. soch.*: V 90 t. [Complete Works: In 90 vols], Moscow, Goslitizdat, 1954, vol. 29, pp. 173–201.
- Zhivov V. M. Zametki o vremeni i dosuge [Notes on Time and Leisure]. *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura: Sb. st. v chest' N. D. Arutiunovoi* [Concealed Meanings: Word. Text. Culture. Collection of Papers in Honor of N. D. Arutiunova], Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004.